

Наставник и прихожане:
динамика коммуникации:
по полевым материалам из Латгалии

Анна А. Плотникова

*Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Россия, annaplotn@mail.ru*

Аннотация. В центре внимания исследователя – коммуникативные процессы между наставником и прихожанами-староверами во время общей и личной исповеди в молельной. В основу работы положены устные нарративы, записанные в экспедициях к староверам Латгалии 2016–2017 гг., повествующие о порядке и времени проведения общей исповеди (*покаяния*), о происхождении ряда запретов и особенностях соблюдения староверческих предписаний в многонациональной и иноконфессиональной среде, о связи как с языческими представлениями славян об окружающем мире, так и с реалиями нынешнего времени.

Ключевые слова: староверы Латгалии, поморцы, федосеевцы, исповедь, запреты, язык коммуникации

Для цитирования: Плотникова А.А. Наставник и прихожане: динамика коммуникации: по полевым материалам из Латгалии // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2021. № 2. С. 50–65. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-50-65

Mentor and parishioners.
Dynamics of communication.
Based on field materials from Latgale

Anna A. Plotnikova

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
annaplotn@mail.ru*

Abstract. The researcher focuses on the communication processes between the mentor of an Old Believers community and the Old Believers during the general and personal confessions in the prayer house. The work is based on

oral narratives recorded in the expeditions to the Old Believers of Latgale in 2016–2017. Among them there are stories about the order and time of general confession (penance), about the origin of a number of prohibitions and the peculiarities of observing the Old Believers' prescriptions in a multinational and different confessional environment, about the connection with both the pagan ideas of the Slavs about the world around them, and with the realities of the present time.

Keywords: Old Believers of Latgale, Pomorians, Fedoseevtsy, confession, prohibitions, language of communication

For citation: Plotnikova, A.A. (2021), "Mentor and parishioners. Dynamics of communication. Based on field materials from Latgale", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 2, pp. 50–65, DOI: 10.28995/2658-4158-2021-2-50-65

Статья основана на материале устных нарративов, записанных во время экспедиций к староверам Латгалии в 2016–2017 гг. группой сотрудников Института славяноведения РАН. Исследования были ориентированы на изучение языка и этнокультурной ситуации и проводились с целью собрать этнолингвистический, диалектологический и социолингвистический полевой материал. Во время экспедиций нашими информантами помимо многочисленных жителей из сел в окрестностях Даугавпилса, Прейли, Резекне, Вилян, Лудзы, Аглоны стали также наставники староверческих общин, среди них – наставник Гайковской моленной Василий Тришкин и наставник Малюткинско-Юдовской общины Иоанн Жилко (г. Даугавпилс), а в завершение второй экспедиции 2017 г. – наставник Андрей Бурдин (г. Лудза)¹.

Многочисленные вопросы участников экспедиции во время устных бесед с наставниками и прихожанами часто были направлены на выяснение запретов у староверов и описание связанной с ними традиции общей и личной исповеди (общая исповедь в моленной в ряде сел здесь называется *покаяние*). В беседах

¹ Следует отметить, что в селах и городах обращение к наставнику различается. Например, в селе Ковалево (Аглонский край) был записан следующий диалог:

ААП: Вы говорите «батюшка», а можно ли так сказать староверам, вы не говорите «отец»?

СТП: Нет, «отец» – это вот в православии есть отец. А у нас то ли наставник, то ли батюшка. У нас нету такого, ну как бы в староверах такого не принято.

И, напротив, из записей в г. Даугавпилсе: «У нас наставник называется отцом» (ВТ).

*Рис. 1. Моленная в д. Ковалево. Латвия, Аглонский край. 2017 г.
Фото А.А. Плотниковой*

о запретах и предписаниях староверов не раз от наставников и обычных прихожан можно было услышать мнение о том, что наставники староверческих общин могут быть «строгими» или «слабыми», то есть или неукоснительно придерживаться текста Третьяков, или, напротив, трактовать исповедальные вопросы не так жестко, как это было раньше. Оппозиция «строгий – слабый» возникает и при обсуждении отличий в самих толках староверов Латгалии. Не раз в беседах акцентировалось деление вероисповеданий на «построже» (федосеевцы) и «послабее» (поморцы)². Например:

Есть поморцы, и были такие еще федосеевцы. Так вот я из федосеевцев. Там немножко строже. Поморцы немножко послабее, и храм всегда красился... У поморцев в голубой цвет, а у федосеевцев должен был красный быть или вот коричневый какой-то, вот такой цвет. Это в федосеевцах. <...> Ну и там в федосеевцах как бы, вот и по закону, там немножко строже. <...> Ну вот там, например, ну вот пост, вот в поморах можно так: если ты больной, значит, ты можешь уже как бы и послабее... и можешь не пользоваться. Ты больной или дети какие... А в федосеевцах этого нету (СТП).

² Ср. рус. *послабление* как снижение требовательности к верующим, дающее возможность невыполнения каких-либо христианских предписаний в полном объеме.

В настоящее время именно федосеевцев, по словам жителей, практически не осталось в Латгалии – все в основном *поморцы* (*поморы*). Объяснение этого факта заключается в самом содержании принципов федосеевского толка; так, по мнению одного из наших собеседников, учителя из села Ковалево, специфические эсхатологические представления, а именно предполагаемая близость конца света, не позволяли федосеевцам заключать брачные союзы, что и привело к их постепенному физическому исчезновению:

И у федосеевцев, почему они вот это, и вымерли в буквальном смысле слова, потому что они считают в буквальном смысле, что конец света – это скоро. Вот и в браки не вступали. А если вступали, то вступали крайне редко. <...> А поморцы – они были более [лояльн], говорили, надо жить, конец света не наступает, откладывается, поэтому надо вступать в браки, надо продлевать жизнь, надо растить детей, и вот я считаю, что это был самый основной момент – именно вот понятие эсхатологии и демографии. Вот именно, вот здесь вот сочетание этих двух моментов: федосеевское ощущение, значит, зачем у федосеевцев, если конец света наступит, зачем плодить потомство, да? Вот мы сейчас молимся, сейчас мы такие правильные, и вот только это так и будет. А поморцы говорили, что: «Ну ладно, грит, всякое может быть, а может, и не наступит, поэтому мы будем продлевать жизнь». Вот поморские общины-то – они и остались в конце концов (ИСП)³.

В ходе полевой работы в Латгалии противопоставление «строгий – слабый» (вариант: «построже – послабее») возникало практически в любой беседе об обычаях, соблюдении и нарушении староверческих предписаний. Важным оказался фактор самой специфики данной местности, где проживают старообрядцы, переселившиеся сюда с Выга и других северных регионов в течение последних трех столетий. Латгалия, представляющая собой пестрый в этническом и конфессиональном отношении регион на окраине Латвии, самими латышами рассматривается как периферия по отношению к центру. Латгалский язык (на самом деле – диалект) занимает более «низкое» место в стратификации латышского

³ Ср. другие похожие высказывания на эту тему: «То есть федосеевцы – это были те, которые говорили, что, поскольку нет священства, благословлять браки некому, возможно, значит, и брак был вне закона. Недопустим. И те, кто вступает в брачное сожителство, должны отлучаться в церковной общине от молитвы. Но это всё пересматривалось со временем <...>. Брак остался для прихожан, священники, причетники должны были оставаться безбрачными. Стали допускать брачных тоже на клирос. Позднее. Это мало кто помнит <...>. Так что наша поморская церковь сложилась как бы из поморцев брачных и федосеевцев» (АБ, Лудза).

дискурса, при этом в самой Латгалии именно русский язык используется всеми группами населения при общении на улицах города Даугавпилса или в деревнях из-за большого числа русских старожилов в Латгалии (в основном староверов). В восточной части Латгалии во время экспедиции в районы Резекне и Лудзы слабо ощущалась какая бы то ни было изолированность русского населения от носителей русского языка. При этом в говоре староверов прослеживались отдельные черты псковско-новгородского диалекта⁴, главным образом в беседах с сельскими жителями.

Для староверов-беспоповцев покаяние и личная исповедь, наряду с крещением, особенно значимы: «Крещение и покаяние, то есть два таинства, которые мы совершаем» (АБ, Лудза). При этом жанр исповеди (*покаяния*) и сами запреты изучаемого этноконфессионального сообщества неразрывно связаны друг с другом. Можно сказать, что бытовые и календарные запреты староверов в условиях отсутствия четкой церковной иерархии, совершенно очевидно, выполняют стабилизирующую и конституирующую роль в создании единства их этноконфессиональной общности.

Обычно раз в год, перед Пасхой, совершается общая исповедь (*покаяние*), после которой прихожане лично исповедуются наставнику, если считают, что не выполняли каких-либо требуемых предписаний, нарушали запреты, список которых четко определяется по исповедальным вопросам требников, которыми пользуются наставники⁵.

О календарном времени общей исповеди (*покаяния*) и его отличиях от времени, когда происходит личная исповедь, записаны нарративы из самых разных сел и небольших городов, например на севере от Резекне (д. Ульяново, бывший Вилянский край):

ААП: А перед Пасхой нужно исповедоваться?

ИКС: Назначается день покаяния, это во время поста, первая неделя, нет покоя, и последняя, а в Резекне – так там в неделю три раза есть покаяния, только в посту... есть книга, ты записываешься, что пришел на покаяние, записывают фамилию-имя-отчество, от, и если ты не был на покаянии, тебя не хоронют, по полной, как говорится, программе...

⁴ Подробнее об отмеченных диалектных чертах в речи староверов Латгалии см. [Ганенкова 2017, с. 92–94].

⁵ Один из таких требников латгальских староверов подробно анализируется в работе [Плотникова, Трефилова 2018]. В настоящей работе в качестве письменного источника также используется именно эта рукопись *потребника* (в терминологии самих староверов), сканированная копия которой была любезно подарена собирателям наставником Василием Тришкиным во время первой экспедиции.

ИИЮ: Общую поют.

ИКС: И каждый год должен ходить на покаяние.

ААП: А исповедь общая для всех или с каждым наставник занимается?

ИКС: Общая – это не исповедь, а *покаяние*, он читает, и ты кланяешься, перечисляет грехи, грешен – значит, кланяешься, вот. Если ня грешен в этом деле, бороды нету – кланяйся, а у меня борода есть – я ня кланяюсь [смеется].

На юге от Резекне (Аглонский край, д. Ковалево):

ААП: Исповедальник у федосеевцев отличается от того, что у поморцев?

СТП: Нет, не отличается, ничем не отличается, а те же самые, вот так же само идем на исповедь, перед Паской. Идем на исповедь так же само.

А: Вы один раз в год ходите?

СТП: Один раз в год. Общая, а потом личная есть. Когда вот человек заболевает, он уже чувствует, что он уйдет на тот съвет, значит, тогда уже зовут к нему попа, и он исповедает лично.

ААП: А мы видели в Малиново у старовера книжечка, и там штампики о том, как он ходил на исповедь...

ИСП: Это нововведение, я вам сейчас объясню почему. Основная масса староверов жила в деревне, вот, а сейчас случается так, что, ну допустим, из деревни перевозят человека, ну, уже в возрасте, да, там 70–80, допустим, лет, за 80 лет. Его дети забирают в город. Он здесь ходил на исповедь, здесь в деревне, да. Когда он попадает в город, место незнакомое, его там никто не знает, и вдруг он там вот умирает. Батюшка должен отпевать. Откуда он знает, ходил этот человек на исповедь или не ходил. А когда мы вводим такие карточки, получается, что каждый год отмечен. Вот и все. Это вот чисто для того, чтобы вот...

СТП: А разница, разница...

ИСП: Конечно, батюшки потом начинают перезваниваться там, выходят на другого батюшку или на председателя общины, или на какого-то знакомого: «Вот ходил ли он тут на исповедь или не ходил?» И надо доказывать, надо рассказывать это все. А когда есть такая книжечка, тогда вот посмотрел, и все видно, в каком году ты был на исповеди. Это такое нововведение лет десять на Даугавпилс пошло...

ААП: А что Вы говорили про разницу?

СТП: Разница в погребении. Если был на исповеди, значит, погребение служится, если он не был, то вселенной панихидой отпевают.

Город Лудза (пояснение наставника по поводу общего покаяния):

Потом вот вопросы. Это уже какая-то рукопись, то есть переработали, сократили. По сравнению со старыми *потребниками* сократили. И есть два ответа, вот: если грешен в этом, то он говорит: «Прости, отче». И кланяется. Если не грешен, говорит: «Господь сохранил от сего». И не кланяется человек. То есть два ответа есть (АВ).

Запреты в исповедальниках разными учеными традиционно классифицируются тематически, ср. [Корогодина 2006; Иванова 2014]; как говорят сами наставники, есть «запреты по вере», «запреты по одежде», «запреты по общению» и связанные с ними «запреты по посуде», пищевые запреты и др. Так, «запреты по вере» составляют начальные вопросы исповедальника («В церкви божьей во время святого пения не смеялся ли, или говорил с кем, или шептался, или творил неподобные разговоры; не имел ли скверных блудных помыслов во время молитвы...» и т. д.). «Запреты по общению» связаны прежде всего с характерной для концепции старообрядчества оппозицией «свой – чужой», сформировавшейся в процессе многовековой защиты староверами своего конфессионального течения; эта часть вопросника занимает несколько страниц, вопросы связаны с «еретической церковью», «еретиками», «иноверными», например: «Не молился ли вместе с еретиками на наши иконы; не молился ли на иноверные иконы; не давал ли в еретическую церковь жертвы...» и т. д. К этой же сфере принадлежит вопрос, который был (и у части староверов остается) важным при повседневном общении с людьми чужой веры, проживающими, разумеется, повсеместно в Латгалии, в том числе в тесном соседском кругу. В быту, если переформулировать этот запрет в предписание, его называют «обычаем поганой кружки»⁶, и он до сих пор сохраняется некоторыми пожилыми людьми (в исповедальнике: «Не ел ли, не пил чего с волхвами, или с неверным вместе с одной посуды»). В диалекте староверов Латгалии известна дихотомия в определении посуды для себя / для иноверцев: *рабская* / *мирская*, а также и более распространенное деление: *постная* / *скоромная*

⁶ Ср. воспоминания пожилых людей о речевых казусах при общении с людьми иной веры: «Как это, кто там говорил, зашли в одну хату и просят попить, а хозяйка у кого-то спрашивает: “Где ж та поганая кружка?” Я говорю, поганой у нас не было, мирская и рабская была, а поганая – это скотины только давали, вядро, где лошадь пьет там или корова, там уже поганая, а человеку поганая никогда не давали» (ВМС).

(скрѣмная)⁷, то есть, с одной стороны, посуда для употребления староверами, а с другой – обычная, для всех гостей дома, например: «В сямье у нас было *рабское* и *мирское*» (ВМС)⁸, ср. также рассказ о старых временах в г. Лудза:

...и в доме таких обычаев не было особо, вот, например, у деда и у бабы была *рабская посуда*, такая была – *мирская*, так вот, у них на особой полочке стояла чашечка-мисочка, глиняная, ложка, кружка, и мы даже мыть не могли! Не то что пользоваться, а все остальная, вот у меня подруга еврейка была, я могла из любой посуды кормить, и она нас, сажали мы ее за стол, к экзаменам я готовилась, мы учились в нашем саду <...>. *Рабская*, только их, узкого назначения, вот они между собой могли бы, но никому другому, даже не мыли... *мирская* была для всех остальных (ГКК).

Как видим, с одной стороны, соблюдение предписаний, перечисленных в исповеди, становится определяющим при причислении человека к данной старообрядческой этноконфессиональной общности. С другой стороны, само содержание запрета нередко восходит к архаическим особенностям традиционной народной славянской культуры. Что касается последнего аспекта, то уместно обращение к статье «Запреты» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Авторы, С.М. Толстая и Л.Н. Виноградова, приходят к заключению, что эти регламентации бытового и обрядового поведения индивидуума и коллектива «имеют жест-

⁷ Именно такую огласовку названия посуды для всех гостей – скрѣмная – запомнил старейший житель Лудзы:

ГПП: А если кто-то придет попросить воды, для них была посуда?

ИКП: Да, постная посуда была и скрѣмная... а у мамы отдельно лежало, как говорится, это постная посуда это наша, семья нашей, всѣй, а кто-то приходил, это уже скрѣмная, уже мама тарелочку другую, но никому это не говорили (расшифровка Г.П. Пилипенко).

⁸ От этой собеседницы из деревни Кислухино (сейчас проживает в более крупной соседней Малте) записан и более развернутый текст об употреблении староверческой (*рабской*) посуды: «Папа приязжал с этой, с бурлак, уже с нашей посудой он с детям не ел, или мы, дети, не ели с этой посуды... После того пост отнять, как говорили, бабушка пост относила и дедушка, ну а потом уже и папа. <...> Сколько батюшка назначит, столько и постничали... обшшались там, может, и с явреем, может, с латышами, ён расскажет, а батюшка даёт эту епитимью, вот столько-то отмолиться, тогда только *посуду* будешь *рабскую* дряжать. Мама с папой ели вместе, а мы, дети, отдельно всегда, и дедушка с бабушкой пост отняли и с детям малым обшшались, тогда посуда была...» (ВМС).

кую логическую и языковую форму и потому могут рассматриваться как особый разряд верований и особый языковой (в определенной степени и фольклорный) жанр»⁹.

С точки зрения этнолингвиста, в опубликованных списках и рукописных перечнях исповедных вопросов можно выделить комплекс запретов, во-первых, осуждающих языческие черты народной культуры, во-вторых, осуждающие инновационные особенности в русской культуре, возникшие после раскола в XVII в. (и особенно характерные затем для Петровской эпохи), приравняемые старообрядцами к иноверчеству. Большое число запретов из тех, что порицают языческие традиции, преимущественно совпадают с теми, что мы находим в требниках до никоновской sprawy (подробнее см. [Плотникова, Трефилова 2018])¹⁰, вторые же обнаруживаются только в старообрядческих исповедальниках. Например, среди первых можно отметить гадание, ворожбу, завязывание узлов, ругательства, матерную брань, причитания по мертвым, пение песен, танцы, игры, качание на качелях, развлечения, ряженье и т. д.; ко вторым относились, например, питье чая, кофе, курение. Поскольку после «общих» вопросов следуют специальные вопросы «женамъ» и «мужемъ», то следует заметить, что среди вопросов выделяются связанные с неприятием петровских нововведений, порицаемых старообрядчеством. Так, к мужчинам обращаются в первую очередь с вопросами о том, не брил ли, не постригал ли «брады» своей или усов, не постригал ли волосы на голове своей не по христианскому обычаю, не одевался ли в «не христианские одежды», не надевал ли женскую одежду. Женщинам наставники обязаны задавать частью сходные вопросы, касающиеся одежды, стрижки волос, например: не одевалась ли в «нехристианскую одежду» или надевала мужскую одежду, не носила ли «на своей голове» шляпы, шапки или ходила с непокрытой головой, не стригла ли волос, не завивала или красила, не красила ли лицо свое, не носила ли каких украшений «на прелесть человеком» и т. д.

⁹ *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Запреты // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*. Т. 2. 1999. С. 269–273.

¹⁰ Заметим при этом, что отсутствие тех или иных запретов в старопечатных требниках, появившихся до раскола, не исключает того, что они могут быть в более ранних, рукописных требниках в силу большой вариативности исповедальных вопросов и отражения ими локальных традиций (устное сообщение О.В. Трефиловой на конференции «Палеославистические чтения–2» в докладе «Чин исповеди в Служебнике Елисея 1474 г. в сравнении с древнейшими южнославянскими исповедными чиноположениями»).

Рис. 2. Беседа со староверами, которые показывают традиционные обереги (освященную на Пасху и Троицу зелень), в д. Ульяново. Латвия, Резекненский край. 2017 г.

Фото А.А. Плотниковой

Мотивировки отрицания нововведений обычно интересны в плане записи этиологических легенд, например о происхождении табака или чая (см. подборку христианских легенд из южных областей России [Зудин 2007, с. 12–13]) или поверий о необходимости отделяемых при жизни человека частей тела (волос, ногтей) на «том свете». Во время экспедиции ответы на подобные вопросы (к примеру, почему нельзя пить чай; почему нельзя стричь не только бороду, но и волосы), как правило, не носили характера нарратива «фольклорного жанра» (за редким исключением); собеседники стремились объяснить это логическим образом (особенно наставники, чья задача – делать это всякий раз при обращении к ним). В качестве примера приведем ответ на вопрос, почему нельзя пить чай:

Просто считалось, что какие-то напитки поганые, не традиционные, и что чай из Индии, и чай не просто так собрали, индусы производили обряды языческие, они, чай, этот весь урожай, приносили в жертву идолам, а христианам нельзя вкушать идоложертвенное. У нас такое правило, самое древнее, что посвящено идолам, как сейчас кришнаиты делают, сначала поставят к идолам, помолются, и вот то

же самое индусы делали с чаем, поэтому считалось, что оскверненный, а пили иван-чай, пили всегда, староверы традиционно пили травку (АБ)¹¹.

В разговоре с прихожанами достаточной могла быть ссылка: «Моя бабушка говорила (вариант: всегда так делала)» (соответственно в разговоре с наставником: «Так нас учили старшие наставники»):

Моя бабушка говорила, что одну половину можно есть у конины. Моя, Феодосья бабушка, говорила, что одну половину конины можно есть, только я не знаю – по-моему, правую, а левую нельзя (ИНБ, Лудза).

В настоящее время постепенно стирается и зачастую полностью исчезает смысловое наполнение тех или иных запретов под влиянием нововведений сегодняшней жизни, технического прогресса и урбанизации. Иногда подобные новые явления идеально укладываются в запреты и предписания. Например, все наставники говорили о том, что теперь они включают в список вопрос: «Не играл ли в компьютерные игры?», когда речь идет об увеселениях, азартных играх. Чаще всего глубинное понимание запрета со стороны прихожан отсутствует. В результате текст исповеди сильно сокращается, а сами вопросы формулируются наставниками «своими словами», иначе язык покаяния прихожане просто не поймут:

Но вот буквально, если то вот эти вопросы: «Не отрекался ли креста? Не помыслил ли хулы на божество?» Вот. Но я, конечно, выборочно, я формулирую своими словами. Я уже не так говорю, как оно есть. Я своими словами, то есть как говорили наставники примерно, те, которые вот учили меня. Вот, так я и говорю. То есть я присматриваю как бы, чтобы порядок как бы соблюдать, то есть смотрю, но говорю уже своими словами. Вот эти все вопросы, вот видите, тут их целый список такой, ну вот: «Не едал ли мертвечины или с еретиками погаными...; Не крадывал ли чего...» (АБ).

Сильно сокращается число специальных вопросов, различающихся по гендерному признаку:

ААП: Есть ведь отдельные вопросы: для мужчин, для женщин?

АБ: Уже нету, уже общие для всех идут. А для женщин мы спрашиваем буквально пару вопросов: это про одежду – если одежду кто не соблюдал, или там пользовались косметикой, ну, и про аборт. Мужчина – про бороду спрашиваем, если бороду там бреете... (Лудза).

¹¹ Запись и расшифровка Г.П. Пилипенко.

И, напротив, если обратиться к практике наставника Гайковской общины г. Даугавпилса, беседы с которым и навели автора на мысль об изучении исповедальных вопросов на общей и личной исповеди, можно отметить гораздо бóльшую строгость в соблюдении чтения исповедного чина покаяния:

ВТ: И мы, эт самое, читаем, как сказано, вот катехизис, есть объяснение, что человек не должен ничего изменять – ни в службе, ни вот в этих вопросниках. Объяснять вопросник можно, но ты должен прочесть его так, как он написан. Далее: мы вот читаем церковные книги же, молимся – обязательно буква в букву надо. Где ударение стоит, обязательно ударение правильно делать, как поставлено.

ААП: Но ведь жизнь меняется...

ВТ: А жизнь меняется, а, эт самое, книги составлены святыми людьми давно, и их менять нельзя.

ААП: Значит, вы просто опускаете эти вопросы, не читаете?

ВТ: Нет, э-э...

ААП: Ну некоторые, как вот вы сейчас...

ВТ: Некоторые бывают вопросы, которые, ну, так сказать, нет смысла их объяснять. <...>. Правда, я сам потом на исповеди на своей, сам когда исповедуюсь, я говорю, да вот: «Пропускаю вопросы некоторые». Ну... Он грит: «Я, – грит, – тоже» [посмеивается]. Мой духовник, мы с ним одногодки¹².

В настоящее время редкими можно считать нарративы, в которых запрет выступает именно как фольклорный жанр, о котором писали авторы статьи в «Славянских древностях». Можно выделить несколько подобных; как правило, все они записаны от жителей деревень. Например, представление о пребывании человека на том свете без нарушения целостности его тела, для чего отрезанные при жизни волосы должны оставаться в гробу в наволочке (ср. запрет делать стрижку женщине):

...вот когда моя бабушка, у нее были длинные волосы, и она когда причесывала, она не стригла волос, вообще женщины, у старообрядцев волосы стричь нельзя, я уже, это сразу первый мог грех, он там тоже называет, батюшка, вот, что если кто красит стрижет, власы должны быть длинные, ну кланяемся, да [усмехается], просто, господи, вот она ни разу в жизни не стригла волос, она вот причешется, собирает и складывала [ладонью показывает], и вот мне даже как внучке было сказано, что: «Внученька, когда я умру, все эти волосы сложи в наволочку и положи мне под голову», вот моя бабушка лежит в гробу. Э, на

¹² Расшифровка автора и О.В. Трефиловой.

Рис. 3. Староверское кладбище в с. Ближнево. Латвия, Лудзенский край. 2017 г. Фото А.А. Плотниковой

подушке из ее собственных волос, т. е. это да, не знаю, все ли это соблюдали... она родилась в Липушках в 1900 году, Богданова Екатерина Ивановна, в девичестве Артемьева, она вот в этой деревне, щас вот дом моих родителей стоит на том месте, где стоял ее дом, дом ее отца <...>. Она говорила, вот нельзя свои волосы даже не то что стричь, а вообще выбрасывать свои волосы нельзя, и поэтому она, когда причесывалась, она их скатывала [показывает круговыми движениями] в такой шарик и этот шарик клала, у нее такая торбочка была, мешочек такой, и вот она всю жизнь их собирала, и вот она мне, даже был личный наказ, что вот: «Внученька, тебе наказываю, чтоб ты знала, мол, что вот, когда я умру, чтоб волосу положили в красивую наволочку» и эту подушку положили бы ей под голову. Вот она там лежит на своих волосах (ТПК).

Записанные в селах поверья из области народной мифологии иногда причудливо переплетаются с запретами, которые прихожане могли слышать на исповеди: так, нечистая сила, черт (*шишко́*) являлся в бане тем людям, которые нарушали запрет на соблюдение праздника¹³:

¹³ Отметим, что для славянской народной культуры в целом соблюдение запретов в праздники во избежание встречи с нечистой силой –

ААП: Что нельзя было делать староверам?

ВМС: Ну по праздникам нельзя было ничаво делать, борони Бог, ну и... посты [нужно соблюдать]. <...> Шишкó – в бане, на праздник нельзя мыцца, а то шишкó явицца.

В заключение следует подчеркнуть, что запреты и связанная с ними система традиции общего покаяния и частной исповеди по-прежнему выделяют данное этноконфессиональное сообщество как особую группу. При этом постепенно исповедь (*покаяние*) как жанр коммуникации между наставниками и прихожанами обретает некоторые новые черты, в частности меняется язык обращения наставника к пастве («формулирую своими словами»). Но деление на «строгих» и «слабых» наставников продолжает играть значимую роль – считается, что «строгие» придерживаются при чтении исповедальника написанного в «потребнике» текста, не отступая от «буквы закона» в прямом смысле слова. Необходимо добавить, что оба подхода наставников к речевому жанру коммуникации с прихожанами не нарушают самой традиции старообрядчества, укладываясь в рамки канона, предполагающего известную свободу (и даже инициативу) в пределах установленных правил.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

Acknowledgements

The article is published in accordance with the plan of research work of A.A. Plotnikova at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021.

Список информантов

АБ – наставник Андрей Бурдин, высшее образование (г. Лудза).

ВМС – Варвара Мартиановна Смирнова, 1927 г. р., 4 кл. (д. Малта, родом из соседней деревни Кислухино).

ВТ – наставник Василий Тришкин, среднее техническое образование (г. Даугавпилс).

ГКК – Гликерия Кириसेвна Красанова, 1937 г. р., высшее филологическое образование (г. Лудза)

характерный сюжет, причем мотивировки запретов могут быть расширены вплоть до антропонимизации самого праздника, см. об этом [Виноградова 2017].

- ИНБ – Ирина Николаевна Бурдина, супруга наставника в г. Лудзе, родилась в окрестностях г. Даугавпилса, 1970 г. р., высшее образование.
- ИКБ – Ипатий Кондратьевич Бояринов, 1926 г. р., образование 6 кл. (г. Лудза).
- ИИЮ – Иван Ильич Юпатов, 1947 г. р., среднее техническое образование (д. Ульяново, Резекненская область, бывший Виленский край).
- ИКС – Иван Касьянович Самсонов, 1954 г. р., высшее техническое образование (д. Ульяново, Резекненская область, бывший Виленский край).
- ИСП – Игорь Степанович Платонов, высшее историческое образование, канд. ист. наук, учитель (д. Ковалево, Аглонский край).
- СТП – Серафима Трифонова Платонова, 1942 г. р., среднее экономическое образование (д. Ковалево, Аглонский край).
- ТПК – Тамара Полиектовна Кудрявцева, 1955 г. р., высшее образование, учитель (д. Липушки).

Литература

- Виноградова 2017 – *Виноградова Л.Н.* Персонифицированные праздники и дни недели, наказывающие людей за несвоевременную работу: сфера ткачества // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 56–88.
- Ганенкова 2017 – *Ганенкова Т.С.* О языковой и этнолингвистической ситуации старообрядцев Сувальско-Сейненского и Августовского районов Польши и Латгалии // Вестник славянских культур. 2017. № 4. С. 89–115.
- Зудин 2007 – *Зудин А.И.* Христианские легенды старообрядцев хутора Новопокровского // Живая старина. 2007. № 3. С. 11–13.
- Иванова 2014 – *Иванова Н.* Запреты староверов Латгалии // *Komparativistikas almanahs. Cilvēks valodā: ethnolingvistikā, lingvistiska pasaules aina* – Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира: Альманах компаративистики. № 4 (33). Daugavpils, 2014. S. 182–197.
- Корогодина 2006 – *Корогодина М.В.* Исповедь в России XIV–XIX вв.: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 579 с.
- Плотникова, Трефилова 2018 – *Плотникова А.А., Трефилова О.В.* Старообрядческий исповедальник Латгалии: лингвокультурный анализ текста // *Словѣне*. 2018. № 1. С. 231–280.

References

- Ganenkova, T.S. (2017), “About the linguistic and ethnolinguistic situation of the Old Believers of the Suwalki-Sejny and Augustow districts of Poland and Latgale”, *Vestnik slavyanskikh kultur*, no. 4, pp. 89–115.
- Ivanova, N. (2014), “Prohibitions of Old Believers in Latgale”, *Komparativistikas almanahs. Cilvēks valodā: ethnolingvistikā, lingvistiska pasaules aina = Chelovek v yazyke: etnolingvistika, lingvisticheskaya kartina mira. Almanah komparativistiki*, no. 4 (33). Daugavpils, Latvia, pp. 182–197.

- Korogodina, M.V. (2006), *Ispoved' v Rossii XIV–XIX vv.: issledovanie i teksty* [Confession in Russia 14th – 19th centuries. Research and texts], St. Petersburg, Russia.
- Plotnikova, A.A. and Trefilova, O.V. (2018), “The Old Believers Confessor text of Latgale. A linguocultural analysis of the text”, *Slovene*, no. 1, pp. 231–280.
- Vinogradova, L.N. (2017), “Personalized holidays and days of the week that punish people for untimely work. The sphere of weaving”, in *Antropocentrizm v yazyke i culture* [Anthropocentrism in language and culture], Moscow, Russia, pp. 56–88.
- Zudin, A.I. (2007), “Christian legends of the Old Believers from the Novopokrovsky farm”, *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 11–13.

Информация об авторе

Анна А. Плотникова, доктор филологических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; annaplotn@mail.ru

Information about the author

Anna A. Plotnikova, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia; annaplotn@mail.ru